

ЗНАКИ ВЕТРА

Сколько раз
он одинок
и как он

ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

ЗНАКИ ВЕТРА
ЗНАКИ ВЕТРА

2

ноябрь

2009

Иерусалим и окрестности

Куратор проекта – Фаина Колодная
Координаты для связи:
fainak@mail.ru

Составители
Алекс Гельман и Владимир Тарасов

Художественное оформление – Ф. Колодная

В оформлении страниц 22-29
использована графика автора

Содержание

От куратора	7
Алекс Гельман. Портрет	9
Анна Горенко. Из неопубликованного	15
Гарик Ковальский. Из книги “Новый Диоген, или Трактат о прелестях молитвы”	23
Вадим Мескин. Рассыпуха	31
Эдуард Семёнов. Уклон Луны	35
Владимир Тарасов. Из книги “Пятерня”	43

♦ *И всякая работа приносит плоды.
Выполни свою работу, как плуг,
Бык или ветер, как грачи или земля* ♦

Во время урока рисования преподаватель заметил, что один ребенок сидит и долго смотрит на чистый белый лист. Внезапно ребенок берет один из цветов и осторожно проводит длинную линию по всему листу. Потом он взял другой цвет и провел еще одну линию...

Учитель подошел к мальчику и сказал:

- Мне кажется, что ты рисуешь что-то очень интересное, что ты делаешь?

- Я рисую бога, - ответил ему ребенок.

- Бога? Но никто не знает, как он выглядит.

- Я только начал. Вот когда я закончу, тогда все узнают, как он выглядит, - отвечает мальчик.

*Ву Бай
перевод с английского*

Зачем это надо

Анна Темная

Пртер

(до востребования)

уважаю вашу личность и
люблю вашу личность
и уважаю вас, странной и
необычайной
Искренне
Анна

Портрет (о Востребовании)

отодвигая тайн и дату

мускус на проводе и вдохе

спелое неспелое млеет по любому

из вечной жизни (так называют)
светом вышел – дупло – удивление

Голсуорси: в сером платье с красной розой

дочь-облепиха неистребимым очарованием

двумя (пепел розовый), двумя (зубы боксёрские), двумя
не прикася

нескромное обаяние обожженной части,
сгорая в румянце от одного только вида

Зачем эти люди папа?

отрок погребальный –
учтив, когда издевается

отрок свадебный –
ветер-ветеран, а интим слоёный

рондо ходит (кисть и долго)

(кисть и долго) лиц осина

флегма эпитетом
с ровным количеством трюфеля и сливочного утра

отдалённый инструментарий
сумеречное растение
(литература) –

следом необутый

«Скотт не глазурь глаза
придумай эту вещь»

(отрицательных откровений не бывает)

строка-позиция: в буквальном и звучит
на родном, природном, иностранном

Моника – дочь полковника

однокоренной – не родственник

оба чужие
оба неодинокие

лучшие роли искания

летучая недвижимость охвачена собой

(смущенная, да под печального)

от нетревожащих личин –
папа о стену:
ноги верхние

забвение – ольхой...
письмо.
изнанка.

Моника – дочь полковника

6 губ воочию и бирюзой во сне
премьера – чаша:

- 1.поцелуй
- 2.глубокий поцелуй
- 3.ласки груди над платьем
- 4.ласки груди под платьем
5. ...
- 6.«Скотт ест мою еду...»

расправив паутину на окрошке

строка-позиция: о ваши чешки чешки ваши о

вне сна
сна нет

пульс-собеседник:

веселеет молча
на фоне дисциплинированных пешеходов

отбросив тело точное как тень
проходит блажь
безумной воли бдительная цапля
блядь персональная (твой ветреный кураж)
с бедра читает,
не пролив

блуждающее пястье в лунном бубне

размер подарка –
мирболит

Что у тебя там на YOU-TUB`е?
в передаче о животных

Львиную влагу используй для странной жертвы
от неоправданной Мальвины

сам ты скот

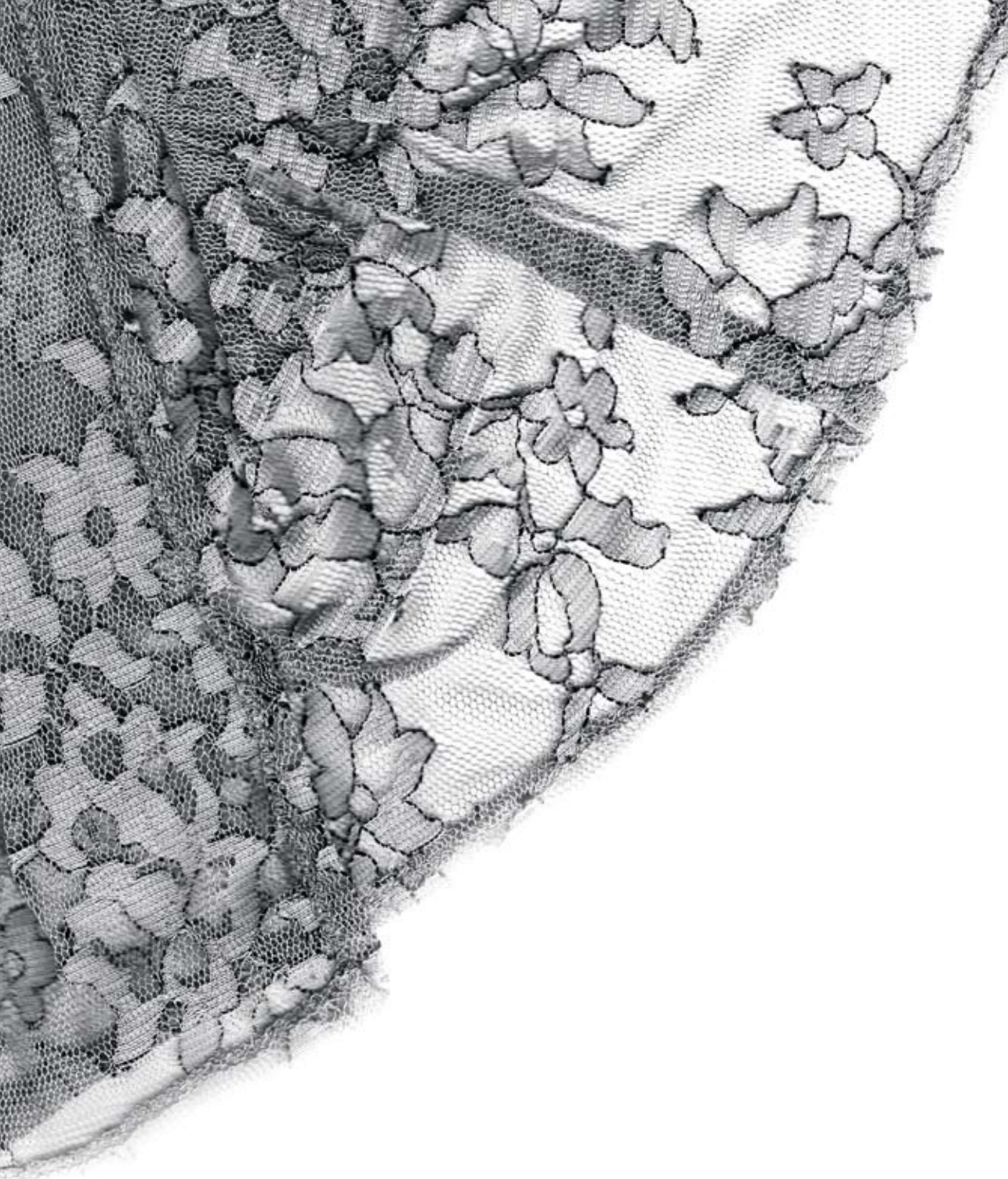
неумную печаль с мокрой головы
в качестве оракула,

оплодотворяя.

О эти даты.

сам ты скот

Львиную
Мальвину
Скотт неумный
неумную
оплодотворяя
О эти даты
сам ты скот
неумную печаль
в качестве оракула
Львиную влагу
используй для странной жертвы
от неоправданной Мальвины
размер подарка –
мирболит
Что у тебя там на YOU-TUB`е?
в передаче о животных
блуждающее пястье в лунном бубне

Анна Горенко

Из неопубликованного

АННА ГОРЕНКО
(1972-1999)

Приехала из Ленинграда. В Израиле провела неполных десять лет. При жизни публиковалась мало, не успела.

Несколько лет назад в журнале «Солнечное сплетение» мною* был опубликован ряд стихов поэтессы под шапкой «Дополнительные материалы». Новонайденные на ту пору вещи А.Горенко, я стал нумеровать, начиная с N81, поскольку в «Малом собрании» представлены 80 стихотворений (в остальных изданиях меньше). Этим объясняется возникновение традиции и продолжение её нами на страницах ЗНАКОВ ВЕТРА.

VT

Библиография:

АНЕЧКА. Анна Горенко. Малое собрание. Иер.,2000. Сост. и автор комментариев В.Тарасов.

Анна Горенко. СТИХИ. Иерусалим,2000. Сост. Евгений Сошкин.

Анна Горенко. ПРАЗДНИК НЕСПЕЛОГО ХЛЕБА. М.,НЛО,2003. Пред. Даниила Давыдова.

*От куратора:

Стихи Анны Горенко комментирует Владимир Тарасов.

N91

Дым на снегу котятками клубится
катит
косогором парка –
влекущие когда-то сговором предчувствий
пейзажные черты
уже не обнадёживают.
Привык,
пора в аптеку...

Ночь. Улица. Фонарь. Закрывается.

Стихи 98 года. Припоминаю такой момент, связанный с «блоковой» строкой: Анечка не очень убедительно говорила, что само стихотворение потеряно, хотя – тут же добавила она, – всё равно найдётся. Оно, дескать, авторскую немощь демонстрирует, и вообще, финал из Блока (эту легендарную строчку, облетевшую тогда весь Иерусалим, приводит Е.Сошкин), а потому стихи и саму её неправильно поймут... У кого-то может вызвать сомнение строчка *Привык* (м.р.), пусть не сомневаются – в одном из самых цитируемых её стихов (тоже, кстати, 98 года) есть такие строки *Я с тобою к жизни вечной / И к бессмертию привык*.

№92

Когтист и алчен воздух века
истошных толп и лёгкой дичи –
расцвета пагубы и лака,
телесной музыки обличий.

Я лишь коснулась – ткань сияет.
Теперь на радость ты коснись –
здесь в этот воздух тёмно-синий
алые ягоды вплелись.

Я знаю – мёду литься сладко
и поступь августа – печать.
Течения прозрачна лепка.
Смотреть и миловать. И ждать.

№93

Томлению внемлют случайные мысли
велеие телу, прозрачны на вес
отточенным звуком которые числим
явления сладких и быстрых чудес

Мы это зовём ни изюмом ни вишней
малины пригоршни ворованный мёд
и медный оттенок рассеянный выше
и перечень медленный наперечёт

А кто не вкусил это терпкое время
и нежную горечь со дна не испил
чьих слов не исторгло ревнивое пламя
приблизив к престолом пронзительный стиль

их в наше дыхание мы посвящаем
делясь изумления тонким вином...
Томлению внемлют мысли случайные
Велеие радости вещим огнём

Лирика до крика. Почему-то кажется, что год написания 1989. Как и ПРИГОРШНЯ. А. успела тут станцевать на паркете ОМ и сказать чуть ли не всё вплоть до *медного оттенка* (с этим совсем неслучайным *перечнем*) и своего *пронзительного стиля*. Ранее неизвестный мне факт – Петя Птах сообщил, – *ворованный мёд* оказывается хорошо знакомая местным поклонникам поэзии цитата из поэтессы Рахели, которая, в свою очередь, отлично владела русским языком, хотя и писала на иврите. Люди же знакомые с творчеством Йоны Волах, также знают цитату, Й.Волах однажды удачно позаимствовала *ворованный мёд*. А., надо думать, было известно всё это, правда, позже. Одной из причин, по которой эти стихи не застряли в чужой памяти, не попали в чью-либо тетрадь, компьютер и т.п., является, я полагаю, как раз этот *ворованный мёд*: он оказался замусоленной цитатой, а не аллюзией-находкой.

№94

дарам причастное стыда
томительно оно стекало
стекало зеркало куда
ещё не заглянула сила

ах, эта сцена на двоих! –
нам тоже на двоих хватало
занятий медленных как стих
горячих как огонь и шалых

день длился полон торжества
предчувствий мгла забила в угол
а горизонт делил на два
волшебник взявший мел и уголь

Наверное, тот же период, 1989. Тогда и началась элегантная игра А.Горенко с Мандельштамом.

№95

жест сменится болью
а отзовется криком
Мёртвого моря солью
вдруг обернется кокон

кто же не думал неба
мне ли не помнить мёда
складок течение нимба
поступь звучания ямба

вкрадчив и бестелесен
танец вторжения духа
чары исторгнутой силы
брага и воздуха порох

стелется речь молитвы
взлёт – уязвлённый возглас
медь наковальня молот
смерть колокольня Логос

Как я понимаю, конец 89 – начало 90 года, м.б. первое стихотворение, написанное ею в Израиле. Здесь отчётливо просматривается некий «узор будущего», это набросок ожидаемой судьбы, своего рода. По какой причине поэтесса отказалась от этих стихов можно только догадываться. Зато здесь очень хорошо видно, как А. продолжает себя испытывать, будучи ещё юной, и уверенно разминается при этом, со вкусом «прикладываясь», прикидывая к плечу ту или иную манеру.

Тарак Ковалевский

Из книги "Новый Диоген"

или

Искусство о прекрасных моментах

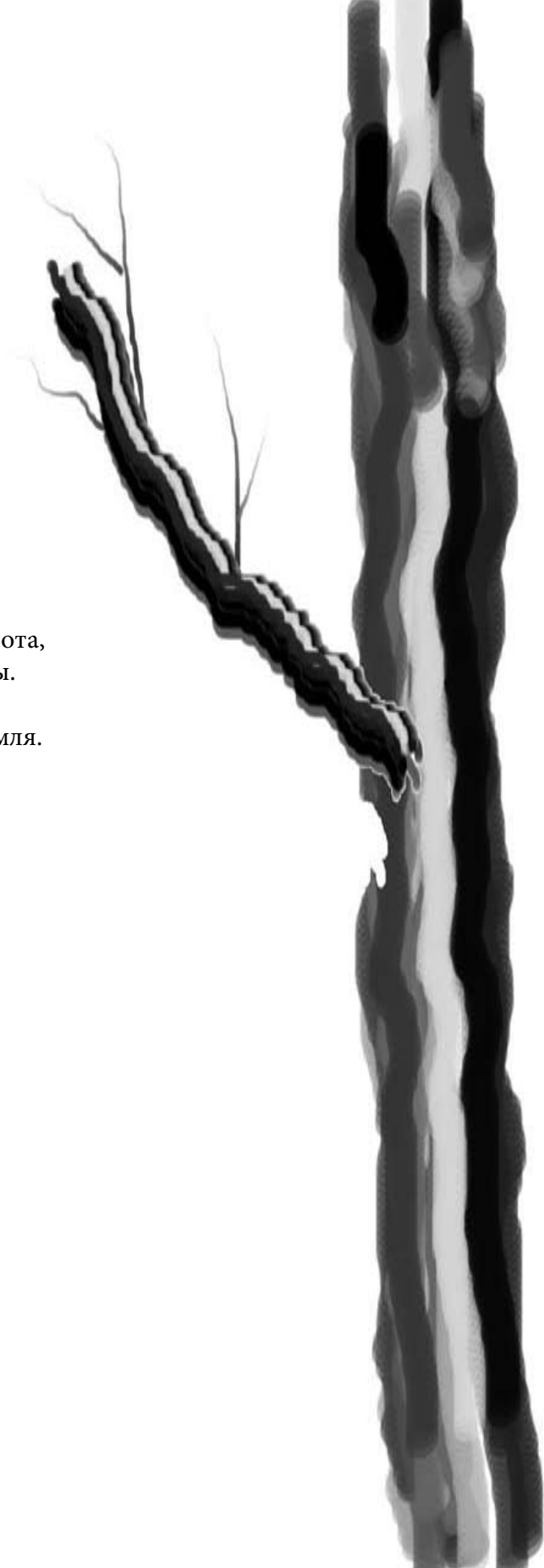
Ветер дышит в воздухе

Облако
Большое
И еще одно

И все это настоящее,
И сверху, и снизу,
Сделанное из твердой материи,
Живой на ощупь.
И все это есть, и все это есть работа,
И всякая работа приносит плоды.
Выполни свою работу, как плуг,
Бык или ветер, как грачи или земля.
Для того ведь идешь ты
За плугом от края поля,
И пот застилает тебе глаза.

Грачей
Двое
Или трое

Бык тащит плуг. Человек идет за ним.

– Что ты ищешь в темном море, человек?
Кости хрупки твои,
любая волна перемелет их.
Зачем ты поешь, натягивая канат?
Еще до рассвета
глаза твои ил покроет.
– Не пугай меня, – говорит человек,
– Не пугай! Ведь я не умею
ни лодку остановить,
ни повернуть назад.

блюз душного дня
для моей любимой жены
ничего не услышишь
только потрогай мой лоб
руки твои – вода
руки твои – вода
сумерки холодного молока
голос лёгкий и ломкий
как трава
как трава
свет лица твоего в темноте
прости меня
запах щеки твоей в темноте
помни меня
шорох ресниц твоих в темноте
посмотри на меня
посмотри на меня

Прости меня, злюка из корня,
 За крест, на тебя наложенный.
 Не сгубил ли тебя,
 Не запер ли уста твои,
 Не сделал ли больно?
 Это не самый короткий блюз,
 Который я пробую спеть.
 Другой:
 Время уже отобрало
 Морфий, прогулки, тоску по вечерам,
 Веселье от совокупления и музыки.
 Дом мой – стеклянный тигр,
 Дом мой движется неуклюже и медленно,
 В жилах моих – горький сироп.
 Время мое неуклюже,
 Но зато я честно хочу видеть.

Waco, TK

мы слышали
 в метро негр разборчиво говорил сам с собой
 он ругал дуру-жену
 которая истратила сотню на телевизор
 а ведь на сотню можно купить столько
 что долго будешь видеть все что захочется

мы слышали
 треск стрекозиных крыльев
 когда те кто мог пожимали плечами
 и говорили что у нас было оружие
 и ведь мы сами подожгли ферму

мы слышали
 шорох и свист машин проезжающих по шоссе
 когда над фермой бесшумно лопнул огненный шар
 нас не слышал никто

Waco, TK

Ashland, MA (lasting)

оставишь ли след на воде

подними руку

жил ни в чём себе не отказывая
ничего себе не позволяя
не откладывал на чёрный день
не откладывал в долгий ящик

дым вверх
дым вниз
вверх ногами
ногами вперёд

ненужное нельзя вычеркнуть

косой по камню писано

Винни-Пуху в Иерусалим

Кислый блюз на гребёнке,
сладкий блюз на гребёнке,
горький блюз на гребёнке,
челюсти сводит.
Будто жить в непрозрачном
и колючем сиропе,
кофе пить по утрам, не присаживаясь к столу.
Самый пустой день –
короткий холодный блюз.
Даже пустой день –
камень в мозаику блюза.
Примерно в полночь,
если ты ещё не уснул,
ты обязан услышать блюз.
Не бойся – это не глюк,
а даже если и глюк – не бойся.
Мы имеем право сойти с ума,
если день был настолько пуст,
что даже эха от него не осталось.

Смешай их вбок
кто оденеток ина фотк
стаблук мнѣ лал

Вадим
Нескин

Расселуха

◆◆

под камнем сморщилась физиономия воды

◆◆

редким волосом
мятый шлем порос
кочья ржавые кольчуги
из портов торчат
рукавицы меж собой
перессорились
перегрызлись
как гиены поганые
из-за косточки берцовой-сахарной
да увенчанной коленной чашечкой

кому меча причудливую рукоять
в бою смертельном нежно обнимать
а кому на вызов броситься

◆◆

две ягодицы слиплись в одну
лето

◆◆

лишь не пустеет пепельница
бьётся под сердцем
пепел отца

сладок лишь тот
кто один на всех
смеха не грех

◆◆

у меня есть оба мнения
и оба мнения мне обои

◆◆

кувшинка на
листа ладошке

лягушка в трепетном поклоне
пред цаплей замерла

лишь с клюва капля
зарябила отраженье

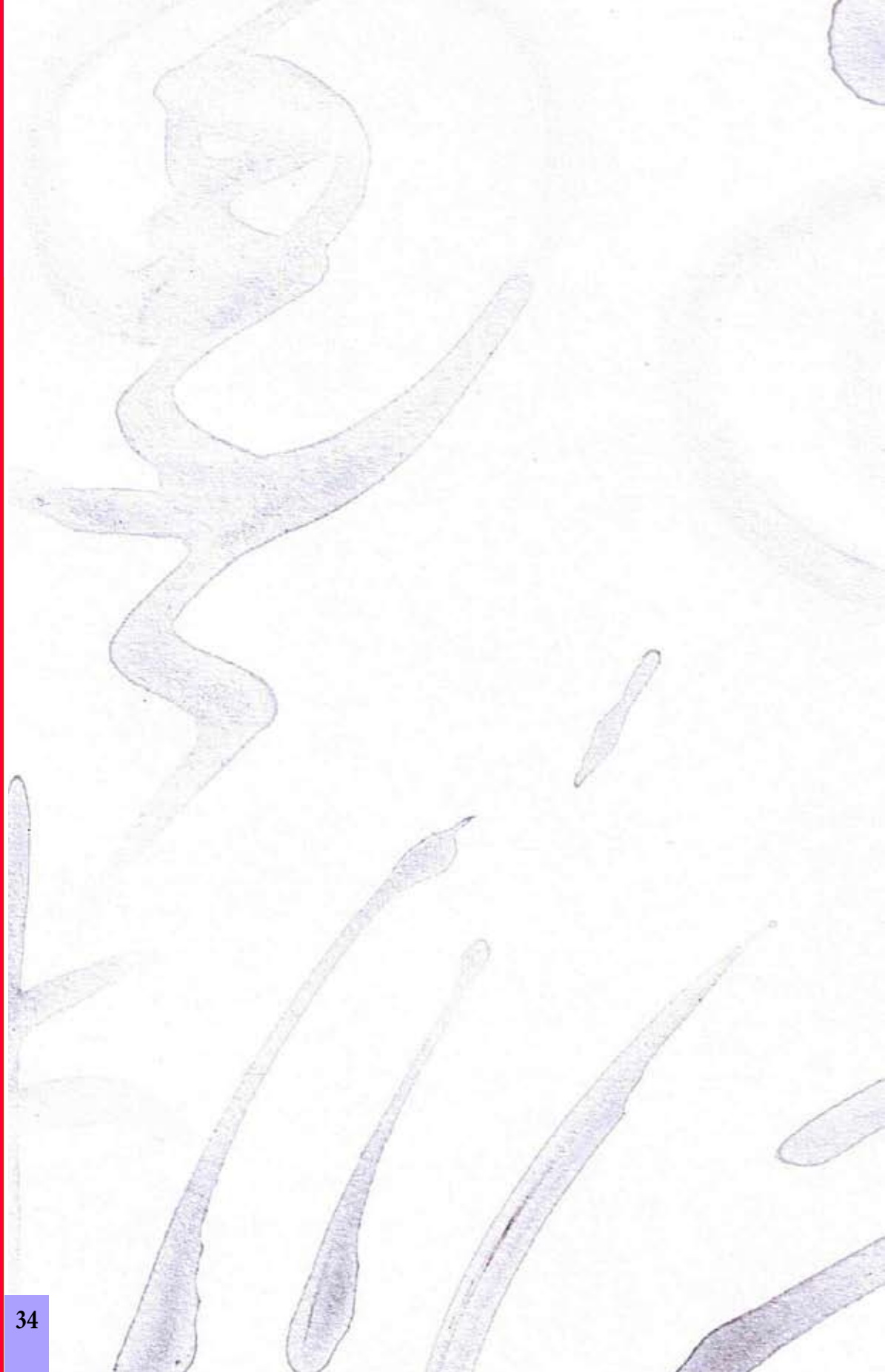
◆◆

соитие
с ума
не раз очарованье

бьёт о бедро
настырная сума
товарищ за спиной
как мокрая шинель
в налипших комьях

глинистая осень

Завтра
Сегодня
У КЛООН
ЛУНЫ

Луна бестактна – саженьцы не в масть
Суровое – на магию весны –
против сна не простое сечение!
Погибельна жизнь суеты

Здесь о любви ни строчки нет

У чудовищ столь ласковый слух

Алхимия расплавит душевный лёд
Зажеванная капает бумага
Большой живот у полюса души –
я знаю светит
Серебро

Ведро луны

Умножая сгорает в прах

Дым на стон плюнь зола

Пусть их глазёнки моргают

Пеплом ночь от смолы прикурить
в стиле ретро

Потупив взгляд

Камень не изведано плоский
изнывает в руке зимы

Ух-ты, шквал журавлей!

Сквозь её же дугу проносились картины
под маркой крыла
прарисунком

в останки простенка!

Зелено

И дождей ремесло
с необузданных арок

Укради подноготную, стань
посеребрённым вмиг остриём!

Можем всё, но хотим ли?
Пусть оккультное тлеет в углу –
не бездействуй у врат
не задерживай топот к лицу
коли встречи хотел

Был восторгом уже опален –
готов раствориться
Но листва шебуршала
и осень просила ещё, дай ещё!

Перед входом недолгая степь
И метель в колесо.

Випассана

Вдыхая выдыхал
к кончику носа вниманием прислонён

Мир закрыт, как две единицы глаз
Постигал вселенную изнутри...
Нескончаемо...
Снаружи растрата

В такт оно захлебнулось

Волоком звёзд пробрало до молекул –
иголки вод своих вострых
от макушки вершин до низов
и опять – амплитуда

Хранит глаза в скромности
Дышит ровно
Наблюдает истину своих я
в рассыпную

Прикасясь едва
летать...
Прямой линией обретая
нежную силу (у слабости, она благородна)

Это светлая грусть

Все мы волны одной реки

Может это не сон нам в удушье
тесной тенью луны просочиться изволит
(словно капли в ресницах)

Как ода посмертная Ты!
Скользнул по мне голос тела,
не оплакивай!
Только прости,
тем себя от горенья освобождая
в сон Луны я вернулся,
люблю
тихим возгласом светлый,
не последний герой
своих истин.

Веру пил наслаждаясь дарами
Вздор и тени толпы?

Скользнул по тропе одиноко
в лаконичную суть.

Зная соль не спеши
словно запертый насмерть щенок в конуре одичал.

Из потресканной миски заочной
потом резким на запах крыла...

Массив вдохновенья.

Испытатели поз неумелых
отчуждённо взирали на сны

А были ли верны себе
их не касалось

Находили себя на ножах
реальности

Про недобро их воздыхателей
парой слов привносили бесчинства
как лучшее из применений

Линия красных пятен
Стойкость отпадает
Уподобился тлену и крылья свои разбазарил
Обмен по невыгодным ценам

Запоздал из неведомых окон
Пришёл к уравнию дня
Прототип светлых луж

Иней бредит.

Среди безвременных вершин взхлёб
Песками грезил
Падок до страстей
Знаменьем пламенных
Изнеженность стяжал
Рыдая в камень сам воспринял дар.

И одинок и очарован и пристыжен.

Владимир
Парасов

Из книги
"Патерик"

◇ ◇ ◇

долгие праздника отголоски

бузить-елозить
зал просторен

неумолимая нелепость небылиц
ни сколь не умаляемая слогом

приказ порвали в клочки

новый
но не
неожиданный день

на изломе русла

влекущие берега
с полянами завтракающих «под» травой
талантливых распиздяев
<...>

праздника отголоски

колец восклицаний

в погоне

за «небом»

за лавиной лавиной
восторга и славы
где частности речи –
твой коготь мерцанья
и поступь с ленцою –
за гранью
мгновенья...

волшебное десять

с вонзённой стрелой

Гамла

Орлы катаются расправив крылья в пропасть
с воздушной горки вниз
с присвистом вихря
Ручей
едва живой на дне
и скоро солнцем будет выпит
слизан
с блюдца

Жарко у подошвы кряжа

Город
над ручьём
разрушенный
Останки крепостной стены
Намёк на угловую башню

Засыпан покорённый

Захоронен

Тишина

Охота

четыре вроде бы без жижи из семи...
и легли удачно
туловища выявив повадки по штрихам...

свет падает на всех
застигнутые солнечным ветром
смотрим
выжидаем
близок час броска, –
жюри белеют обмирая гордые отроги
все признаки присутствия
(о том же)
сигналил ветер пожелание светила –
взмыть!

(зоркая скорость
скорость
скорость выводит на пунктир, придав –
у высоты свои капризы –
осмысленности умолчаньям,
пробелам траектории) полёт
свободный
в долине знаков ветра,
парение –
сверху свет лежит
на крыльях твоего собрата
(прощупывает бережные перья ласков и горяч)
победный клёкот оглашает яркий воздух!..

прежде чем сорваться камнем
вниз
прежде чем впиться когтем
в загривок
усилием железных взмахов прежде чем

взвестись с добычей ввысь
в горы
где гнездовье

Здесь и Там

ЗДЕСЬ
порождает общих значений роенье
ТАМ
порождает роение упований
таких же сахарных как мясо зрелой сливы
(продолговатых урожай сейчас на славу
хоть заноси в графу переживаний)

А если волочиться слогу вслед
припав к голеностопу сочетаний, –
ЗДЕСЬ порождает значимость примет
а ТАМ сквозит из дыр приметной ткани

Когда же отзвук расправляет смыслы,
на авансцену выступает страсть, –
бродягой бреда в дебри голос выслан
и любо-дорого бессовестно пропасть

Близок час броска

Солёной столб

Аккорды долгие прикосновений
 (ткань судьбы,
 узелки её ощупываю)
 пробуя на голос
 неужеримый взрыв со дна души ущелья –
 о, этот ветер новых горизонтов!
 Жестокий зной
 тысячи солнц удар!

<...>
 а попугаи длиннохвостые поблизости от церкви
 из пальмы оглашали тишину
 пред панихидой по ушедшему.
 Стыл тихий серый день –
 скорее необычный чем простой
 для города на побережье.
 Тропические красочные птицы
 раскачивались на султане пальмы
 на нас косились сверху
 опять взлетали чтоб усестись крепче. Моросило.
 Их чёрствый говор – грубый перескрип –
 не разбавлял тоски.

Архив покойного снесли на свалку позже.
 Вот кто из певчих был.
 Поэт.
 Безумец.
 Он Тель-Авив ценил.
 Чертоги центра отмечал особо.
 Что? Странно?
 На первый взгляд?..
 А на последний – нет.
 <...>

И рухнут башня-мать и башня-дочь*.

Не ждите библейского плача от автора.
 Слёзы его стихов выжгло ядерное пламя.
 Вообще ничего не ждите.
 Ничего человеческого.
 Ибо эти слова – оглядка в будущее.
 Они уже стоят как Лота.
 Вперились камнем.

* Илья Бокиштейн (1937–99) – а речь в стихотворении идёт о нём, – так называл башни тель-авивского Дизенгоф-центра.

Бат-коль

Линии ясности и зренья медленно но вслух
на ощупь
а на языке
волшебной мякоти изюмин сладость
вещее сказанье
заоблачного звона:

Я буквы трепет – блик её значенья
Я алый лёд её и догадайся как
Я знак фигур и пепел жестов
Я блеск дыхания
Я ветхий днями мрак
неописуемый – как ты уже заметил –
образ.

– Прости за слепоту о Боже если
безумный лепет с губ слетел некстати.
Дары твоих щедрот
столь изобильны сокровенным совершенством
что я не в силах замысла увидеть
тем более
постичь!
Но дивный светоч царственного блага!
Блаженство сота мне целительное слово
с вяжущим смыслом
Божество!..

Я звука танец – яблочек его соки
Я чистый свет струящийся из глаз
Я милость женская как жизнь и эти строки
Я утешение на вечность или час...

Бат-коль (иврит) – Глас Божий, но надо помнить, что на языке пророков это выражение женского рода.

НАД «ГЛОССАЛОЛИЕЙ»

Огнём от света отлучённые отчасти
их лица наши

одёрнув марево смахнув как паутину
ожил

гоголь

задорный птиц пример до загляденья
светень –

над жизнью звука лобной костью
со–переживая:

*благоговенье – в “а” позднем
и ужас – в “а” раннем*

при входе в царство створки жара

история дыхания

клад
поднятый со дна
до блеска перемытый сроком

и рваный весь октябрь –
даты шрам

◇ ◇ ◇

чернослив порноулиц

застёжки смысла горло бередают

рассадник железистых наслаждений

жилистых услад железных

денег

героина

жестоккой крови

облить соляркой

сжечь

◇ ◇ ◇

космы иск<>р

плещутся в космосе костром

месиво мысли

необязательная вязь метафор

убыль естества

2052

киновари колесо катит клоун клюквою издалека

карие сумерки качаются...

катрен клятый кромкою окоlesiца кол

кости

криком катится колесо крови по колено

Вeer

а иероглифа на рисовой бумаге – ею
«Современные записки» лечил однажды
(была под старую, была и побелей)
соскрёбывая слой за слоем
шерстинки рисового пуха
лекалом скальпеля изогнутого остро –
нет, не помню

помню
что райских рек четыре
четыре чувства излучающих тепло
четыре всадника на четырёх страницах
твое число и
нетерпение души
её неутомонных наваждений
пронзительность до кости
(до сих пор)

я помню небо
как оно из горла
росло и ширилось безудержное дальше, дальше –
так пелена спадает с роговицы глаза
и мир преображённым предстаёт прозрачно;

а ты? ты помнишь
твёрдые звенья золота чудес
бесспорного и самых сокровенных
свершенья снов ты помнишь?
а ячеистые дни?..

Мы помним всё.
И веер состояний
весь пламенеет кровью точных слов.

◇ ◇ ◇

мне показали воздух, взвесь волокон –
бродяга-гид, насмешник –
выпей, говорит, кружку протянув,
и покажу,
завёл –
стены света
со всех сторон стоят плетёной пустотой
купаешься в рассеянных лучах
как в море средоточий...

ещё я видел троекратное мгновенье –
он похвалил,
приятный пустячок

ещё мне золотое ожерелье снов с высоты светилося
(об их фактуре я упоминал однажды)
в недрах солнечной плазмы выходящей ещё
не выронил весла
плыл
намёки очертаний невесомого огня рассматривал
глазами осязая жар и лёгкость

ко мне ты не являлась в сновиденьях
может лишь раз
давно
наверно не задела сцена, не знаю, не запомнил
скоро видимо присыпалось в сознании
куда-то окунулось
под ушло
а вот сейчас
из разных точек вдруг слетелось по кусочку
прозрачности
в картину собралось по волшебству
как зазеркалья пазл –
ведь это ты сказала подойдя, как будто
поджидала:
любовь нельзя проговорить ---- только пропеть
а я ответил: можно

Сонм

рассредоточенная скорость

проще чуть забыться

даже перед всеми
к моим услугам все кто слышит

дух со мною
он ведёт беседу не спеша
за ним я только тихо повторяю
шепчу движение умных яблок без разбору –
места по праву первых выбирая
доверчивые смотрят
как вырастают ветви постепенно –
рисунка капилляры теплятся, ползут –
как форму света обретает воздух
медвяной кожей оборачиваясь утра

лист это ритуал
пространство ритуала герметично
даже для них
для яблок языка

(цитата, опускаю) ниже
литература господи прости

Ты вовремя напомнила – прочёл.
Я об Иосифа поливах,
распузырил рифмы
на остановке на своей в песках прихожей –
прочёл про, представляешь, про–о
признак неудачи –
я так расхохотался! –
во дубина
подкрашенная под металл
(опять цитата, снова опускаю)

Милая
хочешь поразвлечься?
Хорошо бы Гёте показать апофеоз трактата –
не моего, из бака, ибн А.
(о мистике) на тему неудачи, –
заявка наглой глотки, ну, как это понять?!
Поэт ведь вроде...
Ближе Гёте?
Рильке.., тоже не поверит.
И Беатриче значит неудача Данте
не говоря о нас...

Знаешь что, Сонму покажи –
улыбнётся хоть.

Не отменяй тропы в календаре...

любовь есть что?..
 безумие блаженных
 безумие пьянит
 пьянит сполна
 мир очарованный догадкой пленён
 полон ею
 пьян –
 душа завёрнута в огонь
 обряда спелый хлеб вслепую

вино цедил младое
 обнаружил урожай
 (ступени верности)
 взгляни
 налиты солнцем грозди – света
 бескорыстен труд
 всех одинаково пьянящий,
 вот она – любовь:
 величественны тени светоносных знаков
 они не падают, они
 пронизывают космоса безбрежье
 проглатывая пустоту
 поля пространств
 они устремлены
 они влетают
 в жизнь –
 безумна даже тень любви
 её полёт безумен...

коварный памятник родной загвоздки
 (прощупыванье позвонков ... до крика,
 шлагбаум впрочем, вовсе не тупик) –
 да,
 кто куда, кто как, а дышат – об одном

.....

завёрнуто в огонь
 нездешнее сокровище блаженных
 обряда спелый хлеб
 плещется вино
 ну, пьян не пьяный, наливай!

Ни даты, ни торжественных свершений лишь
 не отменяй

◇ ◇ ◇

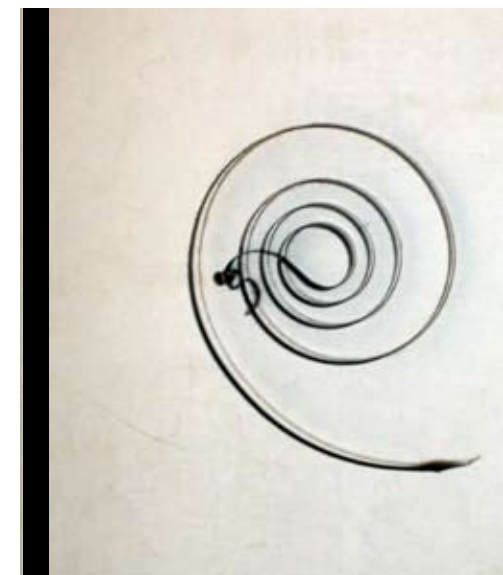
а это дыма лоскутами время
 проповеди пропев один
 под наплеск хмурого эха

яда тяжестью наливается век
 белого алча жира
 камня дымящихся городов
 тел
 приношений

не я кричу
 изделие вызывает стоголоса

к земле прижалась тесно, слышит, ночь
 издали –
 предостереженье –
 на углях разгорающейся темы «о сокровенности отличий»
 (свода нет)

огонь вплетённый магией свободы
 сдержи дыхание
 всмотришь –
 говорящий свет

◇ ◇ ◇

слов недосказанная вера...
давнее письмо...

потоком радуг пятится стекло витрин
врезки реплик
(повисли версией, пунктиром отношений)
сирен мелькает скорость
(визгливые штрихи столицы)
знакомая действительность –
афиша
заквашенная временем погоды,
чужая ностальгия

письма действительность? –
мечется вера саламандрой там
расцветившая пламени язык
палитрой ветра

◇ ◇ ◇

хотелось мысли разместить
из редкой тишины выкраивая шёпот –
весь день извёл на бестелесность
дожил
ладно – мир неосязаем
этого мало –
с ним неосязаема любовь
ещё не всё
главное – её не остановишь:
тень
(см. выше)

изгиб на полную зеркальность
переживание
да и оно – одно
и до него никак не дотянуться

◇ ◇ ◇

струны касаясь, угадай
каких опять искать забвений...

о чём шла речь?
зиянья превзошли себя
на загляденье смыслы

тверди сплёл узор
законы призрачности звука запрягая –
заоблачный опыт:
рядом тень любви
а я допытываюсь о её желанье
как заведённый пеленая каждый вздох
когда бессмысленно любое говоренье

затем (иллюзия такая, «оперённый гон»)
ищем клевер, искрами не пользуясь
находим
и лежим, словно двое нас
в моей душе
неторопливо восстанавливая вспышку, диалог
ведя

я вдруг понял, знаешь?..
 Дух не бывает ветхим, старым
 его не износить, он вечно молод
 Дух (с прописной поэтому)
 он с равной силой эЛЬ Дэ Бэ и дальше –
 любовь и ветхость!?
 или – благо взять в ряду
 как это – немолодое благо?
 благо молодо
 всегда!
 здоровое, как радость, молодое...

поэтизация?... ни-ни
 амулет на шею

ускользание духа...
 тяжбе сотни лет...

тянуться надо
 вот что простаков смущает сильно
 им облепить
 облапить алчным взглядом
 в потную ладошку заполучить
 мазок телесной фибры
 (какой билет?! куда?) –
 это им подай:
 чтоб на весах был ощутишь
 чтоб в достоверном виде!

а вид не достоверен
 голос – да

всё-таки смешно
 языческая блажь от браги пьяных слуг
 им дым родней огня –
 глаза всего лишь щиплет
 не сжигает

никто ещё не видел тлеющее пламя –
 оксюморон из преисподней –
 оно всегда дрожит,
 но тело – тленно (без вмешательства огня!)
 что ещё тленно в судорожном мире?
 зависть...
 злоба, ложь (ложь не горит,
 лишь клеветой тлеет)

дыра образовалась:
 Зависть – трещина, каинова щель
 оттуда изгнан мягкий свет смиренья –
 его тональность

(вскользь перу приснилось –
 вползает зависть в эту щель)

◇ ◇ ◇

бдительная картина выжидания

выворотник времени

узоры попранных иллюзий

<...>

а флейта ищет нить вслепую
«о» и «ё» ую

отъявленно расслабленное сердце
<...>

Нами займутся
Мы ведь
Савл петрорукий
(кроме клиники кромки – её хроники черт)
разыгранная в прошлом фишка
(дважды даже) –
ещё во время ритуала
предательственного по уму и крови

С чего бы
Запад заинтересован?
Восток пощёлкивает клювом?
Как ни верти..,

<...>

лакированный смысл подлежащего

член предложения:
варежка участи

Трещина

Иерусалим

Алтарь

